
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА ЭСТОНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ И СМЕНА ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ПАТТЕРНОВ

П. В. Осколков ^{а, б}

^а Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11–3

^б МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию 24.08.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-1

© Осколков П.В., 2020

В Эстонии за годы независимого существования сформировалась развитая партийная система; при этом наблюдаются определенные территориальные закономерности голосования за те или иные партии. В последние годы появился ряд новых партий, и региональные (как и этнические, что также существенно для Эстонии) паттерны голосования претерпели существенные изменения. Цель исследования — подробное рассмотрение изменений, произошедших в партийно-политической системе Эстонии за последние годы, их причин, роли этнического и территориально-географического факторов в трансформации электорального поведения эстонских граждан. Исследование выполнено в рамках системного подхода, позволяющего разрешить проблему «агент — структура» в пользу общей структуры и целостной системы партийного поля Эстонии; использованы метод сравнительного системного анализа и методы электоральной географии. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что этнический и территориально-географический факторы постепенно становятся все менее значимыми для электорального поведения граждан в силу развития и становления в стране гражданского общества, основанного не на этнических, а на общегражданских принципах; в первую очередь трансформации устоявшихся паттернов способствуют образование новых партий и коалиционное строительство, непосредственно влияющее на имидж партийных структур в глазах избирателя.

Ключевые слова:

партийная система, электоральная география, этничность, неграждане, гражданское общество, коалиционное строительство

Введение

С момента повторного обретения независимости в Эстонии сформировалась весьма развитая партийная система; практически каждой из возможных идеологических позиций соответствует какая-либо партия. В соответствии с принципа-

Для цитирования: Осколков П. В. Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 1. С. 4–15.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-1.

ми электоральной географии те или иные партии традиционно более популярны в определенных регионах. В случае Эстонии на протяжении полутора десятилетий наблюдались схожие шаблоны: так, в северо-восточном уезде Ида-Вирумаа и в Таллине традиционно голосовали за Центристскую партию (о причинах чего ниже), в южных уездах Валгамаа и Вырумаа — за социал-демократов. Однако появление ряда новых игроков на политической сцене Эстонии смешало традиционные схемы, привело к формированию неожиданных для консервативной публики коалиций и переделу электоральной карты страны.

В данной статье мы постараемся ответить на следующие исследовательские вопросы: как изменилась партийная система Эстонии за последние годы? какие акторы имеют в ней первостепенное значение? как изменились региональные паттерны голосования за те или иные партии в Эстонии в последние годы? какую роль в этих изменениях играют этнический фактор и фактор приграничного положения? Представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: появление новых партийных игроков в партийно-политической системе страны размыло традиционные электоральные предпочтения жителей тех или иных регионов, в результате чего этнический и пограничный факторы стали проявляться менее ярко.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первой части мы представим краткий обзор партийной системы Эстонии в динамике с 2007 по 2019 год, то есть с учетом последних четырех электоральных циклов, а также указываем на наиболее яркие региональные паттерны голосования за те или иные политические партии в означенный период (уровень анализа — волость / *vald*, а также уезд / *maakond*, в случае если конгруэнтность данных по уезду позволит сделать соответствующее обобщение до административно-территориальной единицы первого порядка). Далее мы считаем возможным указать на особенности проявления этнического фактора в эстонской электоральной динамике. Наконец, проанализировав динамику электорально-географической ситуации в Эстонии за последние 12 лет, формулируем основные причины и последствия произошедших изменений.

Партийная система Эстонии и региональное распределение голосования

Партийная система Эстонии в достаточной степени фрагментирована. В парламент (Рийгикогу) входят пять партий, всего же на настоящий момент в стране зарегистрированы пятнадцать партийных объединений. Таким образом, по классификации Дж. Сартори, Эстонию можно отнести к странам с системой умеренного плюрализма. Постараемся подсчитать индекс эффективного числа партий Лааксо — Таагеперы для Эстонии, исходя из последних (2019) парламентских выборов:

$$N = \frac{1}{\sum p_i^2} = \frac{1}{0,288^2 + 0,23^2 + 0,178^2 + 0,114^2 + 0,098^2} = \frac{1}{0,190128} = 5,3.$$

Если округлить до целого числа, эффективное число партий в Эстонии равно пяти; более того, именно столько партий, как уже было сказано, сейчас и представлены в Рийгикогу.

Вкратце осветим особенности развития и идеологии парламентских партий Эстонии¹.

¹ Также считаем необходимым отослать читателя к наиболее полному исследованию истории и структуры политических партий Эстонии в 2000—2010 годах, проведенному Р. Тоомла [1, lk. 32—50].

Центристская партия (Keskerakond) — одна из старейших партий Эстонии, образованная еще в 1991 году на базе Народного фронта Эстонии (одной из двух структур, сыгравших ключевую роль в новом обретении страной независимости). Возглавил партию Эдгар Сависаар. Идеология партии — социал-либерализм, левый популизм, при этом традиционно центристы эксплуатируют нужды русскоязычного электората, говоря о своей поддержке русскоязычного образования, упрощении натурализации и прочих насущных проблемах. Поэтому неудивительно, что с 1999 года (после выхода партии из относительной политической изоляции, связанной с рядом скандалов) в цвета центристов традиционно окрашиваются северо-восточный уезд Ида-Вирумаа (наиболее «русскоязычный» уезд Эстонии, приграничный с Россией) и город Таллин, где также очень высок процент русскоязычных граждан. В 2016 году Э. Сависаара на посту лидера сменил Ю. Ратас (о последствиях чего см. далее); «смена караула» сопровождалась обвинениями бывшего лидера в коррупции и связях с Кремлем (конкретно — с В. Якуниным и рядом функционеров партии «Единая Россия»). Еще в 2010 году Полиция безопасности Эстонии (КаРо, Kaitsepolitsei, основная эстонская спецслужба) в своем рапорте назвала Сависаара «агентом влияния России»² (см. также [2]).

Правولیберальная Партия реформ (Reformierakond) — также старожил эстонской политической сцены. Сийм Каллас, тогда президент Банка Эстонии, сейчас — вице-президент Европейской комиссии, основал партию в 1994 году, опираясь на идеи либеральной экономики Ф. фон Хайека и М. Фридмана. Представители партии входили в правящие коалиции с 1999 по 2016 год. Собственно, и на выборах 2019 года реформисты (из-за своего символа также называемые в обиходе «белочками») набрали больше всего голосов, но все равно недостаточно, чтобы сформировать правительство единолично. Карты практически всех эстонских уездов в той или иной степени окрашиваются в цвета реформистов, начиная с 2007 года, когда партия перестает быть лишь удобным коалиционным партнером и превращается в мощную, самостоятельную политическую силу.

Социал-демократическая партия Эстонии (Sotsiaaldemokraatlik erakond) была основана в 1990 году путем объединения нескольких социал-демократических групп, выступавших за независимость Эстонии как внутри страны, так и из-за рубежа. Первым лидером партии стала социолог Марью Лауристин. В 1996—2004 годах в союзе с аграриями партия именовалась «Умеренные» (*Mõõdukad*). В правительстве социал-демократы оказались представлены лишь в 2016 и в 2019 годах, будучи удобным и компромиссным партнером, способным привнести дополнительную опору для кабинета, не ставя невыполнимых условий (в этом смысле их положение напоминает ситуацию Свободной партии Германии — партии-маятника, готовой поддержать ту или иную коалицию, но большинство голосов получить а priori не способную). С 2007 года становится очевидным, что партия была наиболее популярна на юге страны, в уездах Валгамаа и Вырумаа. Однако анализ электоральных карт 2015 и 2019 годов демонстрирует резкое падение уровня поддержки социал-демократов: в 2019 году во всей стране не нашлось волости, где они получили бы большинство голосов (рис. 1, 2). Симпатии жителей уезда Вырумаа перешли к правым популистам из Эстонской консервативной народной партии, а валгасцы предпочли голосовать за реформистов и центристов. Волость Кохтла в приграничном с Россией уезде Ида-Вирумаа, в 2015 году поддерживавшая Социал-демократическую партию, в 2017 году была включена в состав волости Тойла, и в 2019 году объединенная волость проголосовала за реформистов (рис. 1, 2).

² Kaitsepolitseiameti käskkiri. 21.12.2010. №98Т.

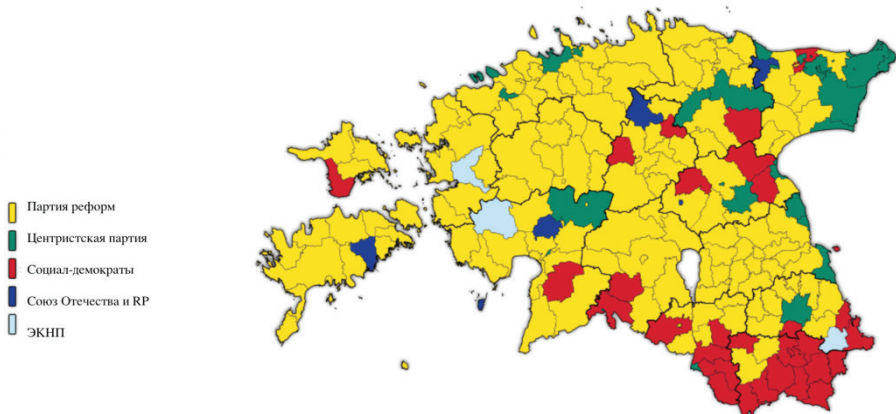

Рис. 1. Распределение голосования за основные партии на выборах в Рийгикогу в 2015 году³

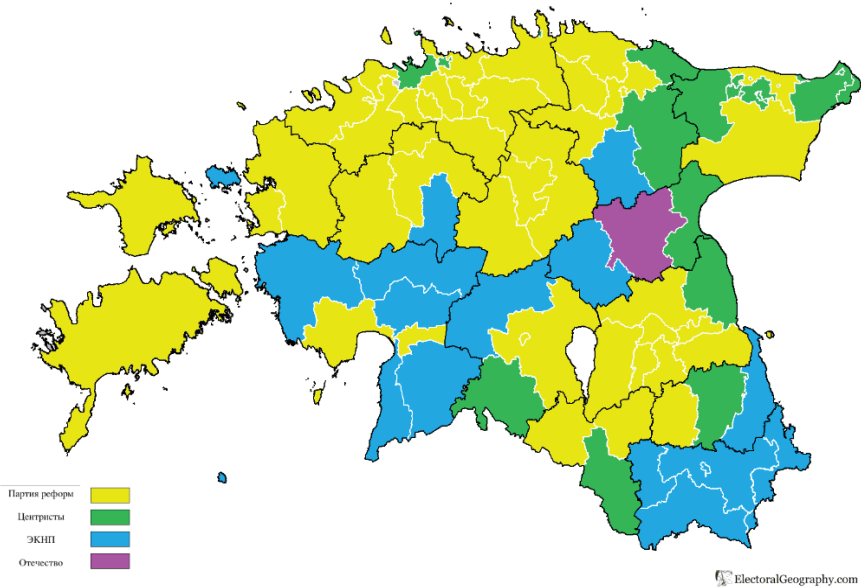

Рис. 2. Распределение голосования за основные партии на выборах в Рийгикогу в 2019 году⁴

«Отечество» (*Isamaa*; до 2018 года — Союз Отечества и Res Publica, IRL) — правоконсервативная партия, идеология которой близка к христианской демократии. «Союз Отечества» (*Isamaaliit*) возник в 1995 году в результате слияния Партии национальной независимости Эстонии (ПННЭ) и Национальной коалиционной партии «Отечество» (объединение христианских демократов, консерваторов и ре-

³ *Eesti Erakondade Ajalugu*. 2015. URL: <http://www.erakonnad.info/kaardid/2015-RK.html> (дата обращения: 17.08.2019).

⁴ *Estonian Legislative Election 2019* // Electoral Geography. 2019. URL: <https://www.electoralgeography.com/new/en/estonia2019/2019-estonia-legislative-municipalities.png> (дата обращения: 17.08.2019).

спубликанцев). В 2006 году к ним присоединилось консервативное объединение Res Publica. Часто партия ассоциируется, особенно зарубежными комментаторами и русскоязычными избирателями, с эстонским национализмом; ряд авторов даже (совершенно неоправданно) назвали ее ультраправой [3, с. 84]. Подобным имиджем «Союз Отечества» обязан прежде всего своему прошлому. В 1990-е годы именно его представители стали главными адептами полного экономического и политического реформирования страны, вхождения ее в европейские и атлантические интеграционные структуры. Именно ПННЭ и «Отечество» аккумулировали в начале 1990-х годов основной массив советских диссидентов, националистически настроенной интеллигенции и вернувшихся эмигрантов.

В последние годы партия IRL старалась избавиться от такого образа, привлекая русскоязычных избирателей. Кульминацией этой стратегии стало выдвижение в качестве одной из ключевых фигур на парламентских выборах русскоязычной журналистки Виктории Ладынской [4, с. 36—38]. Однако достигнутый эффект был практически нивелирован, когда перед выборами 2019 года «Отечество» избрало своим главным лозунгом фразу «Isamaa on eesti keeles», то есть «Отечество на эстонском языке»: логично, что чувствительные русскоязычные избиратели увидели в этом потенциальную угрозу русскоязычному полю. На электоральных картах 2007—2019 годов волости и уезды, где преобладали голоса за IRL, разбросаны в пространстве; интересно, что в 2019 году большинство голосов было отдано за «Отечество» только в волости Йыгева уезда Йыгевамаа (рис. 2); что особенно удивляет, учитывая, что волостной старейшина Ааре Ольго, как и его предшественник Энн Кург, — центристы. Вероятно, здесь сыграла свою роль определенная усталость от доминирования Центристской партии.

Таллинский исследователь Т. Саартс считает возможным говорить о формировании в эстонском политическом поле «двух типов демократий», одна из которых, «националистическая оборонительная демократия», наследует традиции образованного в 1990 году Эстонского комитета и характеризуется приоритетом ценностей национальной безопасности перед непосредственно демократическими, а также конфронтационной риторикой. Вторая же, «гражданская демократия», проистекает из традиции Народного фронта Эстонии, отдает приоритет демократическим ценностям и компромиссной риторике [5, lk. 80—82]. Первая «демократия» характерна для «Отечества», вторая — для центристов и социал-демократов.

Эстонская консервативная народная партия (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond, EKRE, ЭКНП), которую уверенно можно классифицировать как правопопулистскую, возникла в 2012 году в результате слияния Эстонского народного движения (Eesti Rahvuslik Liikumine, ERL, ЭНД) и Эстонского народного союза (Eestimaa Rahvaliid, ЭНС). Партия отличается евроскептической, антииммигрантской, антироссийской и гомофобной риторикой; также лидеры ЭКНП упрекали правительство (до тех пор, пока не стали его частью) в «недемократической централизации управления и монополизации СМИ» [6, р. 98]. Возглавил ЭКНП Март Хельме, ранее в том числе занимавший пост посла Эстонии в Российской Федерации. Партия активно эксплуатирует тезисы об «иммиграционной угрозе», «российской угрозе» и Европейском союзе, якобы пытающемся подорвать эстонский суверенитет. Особую роль в партии играет молодежное крыло — «Синее пробуждение», которое служит эффективным инструментом рекрутирования правой молодежи. С момента образования ЭКНП ее электоральная привлекательность существенно возросла за счет популистских лозунгов (на карте 2015 года в ее цвета окрашены лишь три волости: Мартна в уезде Ляэнемаа, Коонга в Пярнумаа и Орава в Пылвамаа, а в 2019 году таких областей уже существенно больше; рис. 1 и 2), и в 2019 году партия вошла в коалиционное правительство с центристами и партией «Отечество» (кабинет получил название EKREIKE: EKRE, Isamaa, Keskerakond).

Помимо ЭКНП в эстонскую политику за последние пять лет вошли еще некоторые новые партии. Наиболее примечательные из них — это Свободная партия Эстонии и партия «Эстония 200». Свободная партия Эстонии (*Eesti Vabaerakond*) была создана в преддверии выборов 2015 года и представляла собой партийную организацию, чьей целью было лишь привлечение голосов и прохождение в парламент; своеобразная «партия ради партии». Свободную партию основали «ветераны» IRL, недовольные объединением «Союза Отечества» и *Res Publica* и опасавшиеся поражения на выборах 2015 года [7, с. 73]. Эксперты отмечали отсутствие у партии четкой идеологии [8], но приблизительно ее можно было бы охарактеризовать как правоцентристскую. В 2015 году, благодаря привлечению в свои ряды нескольких известных общественных деятелей, Свободная партия смогла получить места в Рийгикогу, но в 2019-м она уже не сумела преодолеть пятипроцентный порог.

«Эстония 200» (*Eesti 200*) — также интересный пример сугубо предвыборного проекта. Партия была основана в 2018 году, ее название — аллюзия на отмечавшийся в том году столетний юбилей Эстонии. Названием подразумевается, что Эстония под руководством данной партии должна решить стоящие перед ней насущные проблемы и прийти к двухсотлетию процветающей страной. Председателем партии стала политолог Кристина Каллас. Предвыборная агитация партии вызвала массу критики: на остановках общественного транспорта технологи «Эстонии 200» разместили надписи «Только для эстонцев» и «Только для русских» без пояснения того факта, что подобные обозначения — лишь элемент предвыборной кампании. Таким специфическим образом партия пыталась привлечь внимание на сохраняющийся в стране раскол между крупными частями общества по этническому и языковому признаку, однако такой ход привел лишь к падению рейтинга партии в два раза [9]. В результате скандалов и отсутствия четкой позиции (помимо манихейского дискурса «за все хорошее») «Эстония 200» не смогла преодолеть порог парламентского представительства.

Этнический фактор в эстонской партийной политике

Самым крупное и заметное этническое меньшинство в Эстонии — это русские (сознательно избежим термина «русскоязычные» в силу его большей инклюзивности). При этом не стоит упускать из виду неоднородность русского населения Эстонии: это как потомки русских, проживавших в Эстонии до революции (из которых отдельной и достаточно представительной группой являются старообрядцы, поселившиеся в районе Чудского озера — в Причудьи — в конце XVII века) и в период «первой» независимости (1918—1940), так и прибывшие в Эстонию после ее включения в состав СССР (и их потомки); наконец, определенный процент «эстонских русских» составляют эмигранты последних десятилетий.

Практически априорно возникающая при обсуждении русского населения Эстонии проблема негражданства — подмножество, с проблемой русских не совпадающее, так как, во-первых, из упомянутых эстонских русских она касается только тех, кто приехал в Эстонию после 1940 года (и их потомков, притом далеко не всех), во-вторых, не все эстонские апатриды — этнические русские. По данным Департамента статистики Эстонии, в 2019 году в стране проживало 328 299 русских (24,78 % населения), из которых большая часть — в уезде Хартюмаа (184 600, включая столицу Таллин; 30,87 % населения уезда) и пограничном Ида-Вирумаа (101 248, или 74,34 % населения уезда)⁵; при этом на 1 января 2019 года в стране

⁵ *Rahvastik soo, rahvuse ja maakonna järgi*, 1. jaanuar // Eesti Statistika Andmebaas. 2019. URL: http://andmebaas.stat.ee/OECDStat_Metadata/ShowMetadata.ashx?Dataset=RV0222&Lang=et (дата обращения: 17.08.2019).

проживало 76 148 апатридов. Числа явно несопоставимые. О процентном составе апатридов автору удалось обнаружить только данные 2011 года, но, учитывая неуклонную положительную динамику, они также свидетельствуют о несовпадении подмножеств «русские» и «неграждане» и нерелевантности соответствующего дискурса: в 2011 году только 21,1 % этнически русских жителей Эстонии имели «паспорт иностранца».

Сама же проблема «негражданства» возникла из-за того, что вернувшая себе независимость Эстония избрала правовой принцип континуитета (преемственности от республики 1918—1940 годов), что подразумевало в том числе автоматическое предоставление гражданства только гражданам той самой республики и их прямым потомкам (подробнее см. [10]); остальные же могли (и могут) либо получить гражданство, пройдя процедуру натурализации (окончательно формализованную лишь в 1995 году с принятием новой редакции Закона о гражданстве), либо довольствоваться статусом «негражданина» (по-эстонски — «иностранца», *välismaalane*). В этом смысле Эстония во многом пошла по пути, схожему с латышским (где также был сделан выбор в пользу континуитета и введен статус «негражданин» — *nepilsoni*, однако перечень их прав гораздо меньше, чем в Эстонии) и отличному от литовского, где в силу отсутствия значимого русскоязычного меньшинства (что, в свою очередь, объяснялось намного меньшими объемами внутренней миграции в Литву из РСФСР) был принят «нулевой вариант» гражданства. Решение о непредоставлении гражданства части населения в том числе было продиктовано (обоснованными) опасениями, что, получив электоральные права, столь крупное меньшинство сохранит ориентацию на бывший СССР и демократическим путем создаст препятствия к радикальному реформированию экономической и политической системы страны.

В связи с подобной ситуацией Эстонию и Латвию некоторые исследователи классифицируют как «этнократии» (концепт, в отечественной социологии развиваемый Ж.Т. Тощенко [11, с. 55]; также см. [12]), или «этнические демократии» (концепт С. Смухи [13, р. 55—56]). Касаясь данной проблемы в рамках данной статьи лишь вскользь, отметим, что подобная классификация в отношении стран Балтии весьма спорна; скорее, вслед за А.И. Тэвдой-Бурмули предположим, что речь идет о запоздалом (заторможенном объективными причинами) проекте создания национального государства («Nation State») — как раз в тот период, когда данный концепт постепенно отмирает [14, с. 194].

В контексте данной статьи нас интересует прежде всего влияние негражданства на голосование. Влияния этого практически нет: неграждане (держатели так называемых паспортов иностранца, *välismaalase pass*) не имеют права голосовать на национальных выборах (но имеют — на муниципальных, в отличие от Латвии). Поэтому упомянутая Центристская партия не может рассчитывать на голоса *всех* русских / русскоязычных, а только натурализовавшихся — то есть большей части русскоязычных. В свою очередь, для русских, прошедших процедуру натурализации (или получивших эстонское гражданство другими путями), их этнический статус уже не столь важен в определении электоральных предпочтений. Многие русскоязычные голосуют за другие партии, в то время как электорат центристов не ограничивается русскими: как отмечал в 2015 году, то есть до смены лидерства в партии, Д.А. Ланко, «хотя большинство русскоязычного населения Эстонии поддерживают на выборах Центристскую партию, русскоязычные избиратели есть и у практически всех прочих партий» [7, с. 67—68]. Он же подсчитал, что по итогам выборов в Рийгикогу в 2015 году «депутатский мандат получили 12 представителей русскоязычного населения страны, представляющие практически все политические партии» [7, с. 75]. Несмотря на это, партия под руководством Э. Сависаара осознанно создала себе образ «русской», который, учитывая постепенное строительство гражд-

данской нации «эстоноземельцев» (eestimaalased), включающей натурализованных русских, постепенно пытается исправить новый партийный лидер Ю. Ратас. Как и любой процесс трансформации публичного образа, это несет за собой как приобретения, так и потери, что мы и можем видеть на приведенных выше электоральных картах Эстонии последних лет (рис. 1, 2, с. 7). К примеру, в 2019 году по сравнению с 2015 годом центристы потеряли в традиционно «своем» уезде Ида-Вирумаа крупнейшую волость Алутагузе (куда с 2017 года вошли волости Алайыэ, Лисаку, Иллука, Мяэтагузе и Тудулинна; см. рис. 1 и 2). Примечательно, что основные «потери» центристов ушли к Партии реформ: русскоязычные натурализованные избиратели постепенно избавляются от «привычной» лояльности русофильской социал-демократии в пользу инклюзивного правого либерализма.

Интересно также взглянуть на результаты выборов в органы местного самоуправления, которые прошли в стране в 2017 году и на которых, как было указано выше, имеют право голосовать неграждане. Первое место, в отличие от национальных выборов, все же получила Центристская партия (27,3 % голосов), причем в Таллине она набрала 44,4 % голосов, а в уезде Ида-Вирумаа — 52,9 %. ЭКНП же не получила поддержки на северо-западе вообще, в Таллине — лишь 7 % голосов, на национальном уровне — 6,7 %⁶. Подобный разброс с результатами национальных выборов, состоявшихся двумя годами позднее, демонстрирует как различный подход избирателей к выборам разных порядков (исходя из функций, которые должны будут выполнять избранные кандидаты), так и консерватизм электоральных предпочтений категории населения, не имеющей права голоса на национальных выборах; с другой стороны, амплитуда также указывает на отсутствие прямой связи между результатами муниципальных и национальных выборов, особенно учитывая имеющийся временной лаг.

Причины и последствия изменений электоральной карты Эстонии

В числе основных причин изменений сложившихся региональных паттернов голосования за те или иные партии в Эстонии, как нам представляется, стоит назвать 1) коалиционное строительство, 2) появление новых партийных игроков.

Коалиция 2016 года стала серьезным имиджевым ударом для партий-участниц. Традиционно центристы если и вступали в коалиционные переговоры, то только с умеренными игроками, позиционирующими себя ближе к центру; правая же IRL в основном видела в качестве партнеров реформистов или умеренных социал-демократов. В ноябре же 2016 года было сформировано первое правительство Юри Ратаса — из министров, представляющих Центристскую партию, Социал-демократическую партию и «Союз Отечества». Многие избиратели, рассматривавшие центристов как электоральный оплот русскоязычного населения, в заключении договора с воспринимающейся как сугубо правая и даже националистическая партией «Союз Отечества» увидели предательство собственных интересов. «Сработало» это и наоборот — для избирателей правых, которых разочаровал общий кабинет с «пророссийскими» центристами. Не стоит переоценивать роль конкретной коалиции в деле размытия электоральных паттернов: ведь центристы уже до этого потеряли часть электората, сменив популярного лидера Э. Сависаара на молодого технократа Ю. Ратаса, который к тому же объявил недействительным договор своей партии с «Единой Россией» и заявил о признании оккупации Крыма. Так же и часть «ястребов» национальной эстонской идеи, голосовавшая за «Союз Отече-

⁶ Valimistulemused // Kohalikud Valimised 2017. URL: <https://kov2017.valimised.ee/valimistulemus.html> (дата обращения: 16.09.2019).

ства», была разочарована примирительной риторикой своей партии. Существенные части обеих групп граждан на следующих парламентских выборах проголосовали за Эстонскую консервативную народную партию.

Здесь первый предложенный нами фактор встречается со вторым. Новые правые партии (точнее, партия — как мы уже сказали ранее, поскольку Свободная партия фактически не пережила последнюю каденцию) удачно сыграли на определенном разочаровании части электората традиционных «зубров» и смогли на выборах 2019 года существенно их потеснить. Собственно, определенный вес ЭКНП набрала еще на предыдущих парламентских выборах 2015 года, но тогда ее процент во многом определялся антииммиграционными настроениями, которые партия успешно эксплуатировала. Благодаря же политике своих партнеров по политическому полю к 2019 году ЭКНП превратилась в такую политическую силу, с которой невозможно не считаться. На волне разочарования «старыми» партиями на сцену выходят национал-популисты, готовые громкими лозунгами привлекать как национал-консерваторов, так и русскоязычных. Не случайно еще в 2016 году представителям ЭКНП в Рийгигогу на Рождество подарили кусок паркета: так было обыграно эстонское слово *parketikõlblik* — букв. «пригодный для паркета», «рукопожатный».

В этом смысле столь обширно критикуемое решение лидера центристов Ратаса заключить с национал-популистами коалиционный договор было во многом оправдано: с точки зрения многих теоретиков правого популизма, попав в правительство, популистская партия сталкивается с невозможностью выполнить свои громкие обещания и теряет популярность (или же, напротив, приобретя дополнительную ответственность, отказывается от радикальных установок [15, р. 20]), в то время как в оппозиции ее влияние только растет благодаря образу жертвы, обнесенной «санитарным кордоном». Однако эта стратегия работает не везде: к примеру, если в Финляндии подобный маневр удался, то в Австрии к провалу правых привела не неспособность выполнить обещания, а громкий политический скандал — так называемый *Ibiza-Gate*.

Особого внимания заслуживает способность ЭКНП привлечь голоса русскоязычных избирателей. А. Макарычев и В. Сазонов отмечают инклюзивную стратегию по отношению к русскоязычному меньшинству у отдельных функционеров ЭКНП, которые рассматривают русскую общину как возможного «союзника» в антииммигрантских кампаниях и как возможный электоральный ресурс [16, р. 454]. Значимость «российской угрозы» при этом не преуменьшается, но партийные лидеры стремятся дискуссионно разделить местных русских (как часть эстонского электората) и гипотетически враждебную Российскую Федерацию [17].

Как бы то ни было, на настоящий момент, разумеется, мы не располагаем электоральной картой следующего избирательного цикла, но можем предположить, что традиционные карты, знакомые нам с 2007 года, еще более «размоются» за счет включения существенных участков голосования за ЭКНП (и за возможные новые партии, которые возникнут в преддверии выборов 2023 года), а также за реформистов, отстраненных центристами от участия в правительстве. Если часть избирателей, «скрепя сердце», «простила» Центристской партии коалицию с правыми консерваторами, то коалиции с откровенными правыми популистами, которых даже обвиняют (не вполне обоснованно) в пронацистских симпатиях, ортодоксальный центристский электорат терпеть не готов. Из партии даже демонстративно вышел старейшина Пыхья-Таллина Раймонд Кальюлайд; о готовности покинуть ряды центристов заявил и ветеран партии Владимир Вельман (правда, угрозу свою он не выполнил). По последним опросам, скандалы, произошедшие в первые месяцы работы второго кабинета Ратаса, привели к тому, что поддержка центристов гражданами снизилась до лишь 17,8%, а Партии реформ (победителя выборов, возможность коалиции с которой Ратас отверг, что привело к формированию шаткого правительства с участием правых популистов) — выросла до рекордных 38,5% [18].

Заключение

Ключевую роль в эстонской политике играют на настоящий момент пять партий, представленных в Рийгигогу: Центристская партия, Партия реформ, «Союз Отечества», Социал-демократическая партия и Эстонская консервативная народная партия. Из нескольких новых партийных проектов, образованных в последние годы, только ЭКНП стала успешной, притом успешной настолько, чтобы войти в состав коалиционного правительства. Этнический фактор русского меньшинства (и идущий с ним рука об руку фактор близости к эстонско-российской границе), хотя и весьма существенный для политического развития страны, в электоральной сфере играет все меньшую роль: русскоязычные натурализовавшиеся избиратели постепенно переходят от устойчивого голосования за Центристскую партию к другим партиям, прежде всего к Партии реформ, что является одним из признаков консолидации и становления гражданского общества Эстонии на общегражданских, а не на этнических принципах. На последних парламентских выборах (2019) стало очевидно, что социал-демократы, «Союз Отечества» и центристы постепенно теряют позиции в традиционно «принадлежавших» им волостях и уездах, но не за счет новых партий (фактор наличия которых также играет свою роль, но не является определяющим), а за счет издержек работы последних коалиционных правительств, чей состав оказался достаточно неожиданным для верных избирателей соответствующих партий и повлиял на электоральную лояльность. Учитывая данные последних социологических опросов, можем предположить, что электоральная карта Эстонии будет изменяться и далее, уходя от традиционных паттернов в силу трансформации партийного дискурса и самой партийной системы. В свете изложенного представляется, что в настоящий момент на повестке дня для исследователей партийной системы Эстонии и других стран ЦВЕ стоит развитие междисциплинарных исследований с применением максимально широкого методического инструментария, включающего методы электоральной географии, статистики, критического анализа дискурса, ивент- и сентимент-анализа и др. Лишь путем подобного методического синтеза возможно адекватно отразить всю палитру институциональных и дискурсивных трансформаций партийно-политических систем в данном регионе.

Исследование выполнено на базе МГИМО МИД России при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-78-10004 «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ».

Список литературы

1. Toomla R. Eesti erakonnad 2000—2010. Tartu, 2011.
2. Самородный О. Бремя полуверок: особенности русской политики в Эстонии. Таллинн, 2012.
3. Еремина Н. В., Середенко С. Н. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. СПб., 2016.
4. Ладынская В. Политдневник. Таллинн, 2015.
5. Saarts T. Kahest demokraatiamudelist ja Eesti poliitika tumikpingest // Vikerkaar. 2012. № 6. Lk. 78—88.
6. Liivik E. Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia // Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences. 2015. № 14. P. 85—116.
7. Ланко Д. А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 67—77. doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-5.
8. Jaagant U. On keegi näinud? Vabaerakond otsib oma maailmavaadet // Eesti Päevaleht. 2015. 15. Aug. URL: <https://epl.delfi.ee/eesti/on-keegi-nainud-vabaerakond-otsib-oma-maailmavaadet?id=72205049> (дата обращения: 17.08.2019).
9. Епифанова М. «Прорусскость уже не такая проблема»: как прошли парламентские выборы в Эстонии, где победили националисты и оппозиция // Новая газета. 2019. 4 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/04/79770-prorusskost-eto-uzhe-ne-takaya-problema> (дата обращения: 17.08.2019).

10. Полецук В. Неграждане в Эстонии. М., 2005.
11. Тоценко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., 2003.
12. Бузаев В.В., Никифоров И.В. Современная европейская этнократия: нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М., 2009.
13. Smooha S. The Model of Ethnic Democracy // The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe. Budapest, 2005. P. 5—60.
14. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М., 2018.
15. Krause W., Wagner A. Becoming part of the gang? Established and nonestablished populist parties and the role of external efficacy // Party Politics. 2019. Vol. 25, № 5. P. 1—20. doi: 10.1177/1354068819839210.
16. Makarychev A., Sazonov V. Populisms, popular geopolitics and the politics of belonging in Estonia // European Politics and Society. 2019. Vol. 20, № 3. P. 450—469. doi: 10.1080/23745118.2019.1569341.
17. Pentsinis V. Contentious politics in the Baltics: the ‘new’ wave of right-wing populism in Estonia // Open Democracy. 2016. 28 Apr. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-pentsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism> (дата обращения: 17.08.2019).
18. Ummelas O. Estonia Government Nears Collapse After Nationalist Party Targets Police Chief // Bloomberg. 2019. 16 Aug. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-16/nationalist-targeting-police-chief-has-estonia-staring-at-crisis> (дата обращения: 17.08.2019).

Об авторе

Петр Викторович Осколков, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Европы РАН, Россия; преподаватель, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: petroskolkov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-9042>

ESTONIA'S PARTY SYSTEM TODAY: ELECTORAL TURBULENCE AND CHANGES IN ETHNO-REGIONAL PATTERNS

P. V. Oskolkov

^a Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11–3 Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

^b MGIMO University,
76, Vernadskogo pr., Moscow, Russia, 119454

Received 24 August 2019

doi: 10.5922/2079-8555-2020-1-1

© Oskolkov P.V., 2020

A well-developed party system has emerged in Estonia over the decades of independence. There are, however, distinct geographical patterns of voting. A number of new political parties have appeared in the country; the regional and ethnic patterns of voting (the latter matter much in Estonia) have changed dramatically. This study aims to analyse the recent changes in the Estonian party system as well as the causes of these changes and the effect of the ethnic and geographical factors on the transformation of the electoral behaviour of Estonian citizens. The research employs a systemic approach that makes it possible to solve the agent—structure problem to the benefit of the general structure and integral system of Estonia's party scene. The method of comparative systemic analysis is used alongside those adopted in electoral geography. It is concluded that the effect of the ethnic and geographical factors on electoral behaviour

To cite this article:

Oskolkov, P.V. 2020, Estonia's party system today: electoral turbulence and changes in ethno-regional patterns, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no 1, p. 4—15. doi: 10.5922/2078-8555-2020-1-1.

is diminishing as a civil society based on civic rather than ethnic principles is emerging in the country. The main drivers of the change are the formation of new parties and coalition-building — both have an immediate effect on how the image of the parties is perceived by voters.

Keywords:

party system, electoral geography, ethnicity, non-citizens, civic society, coalition-building

References

1. Toomla, R. 2011, Eesti erakonnad 2000—2010, Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus.
2. Samorodnii, O. 2000, Bremya poluverok: osobennosti russkoi politiki v Estonii [The burden of the poluverki's: Specific features of the Russian politics in Estonia]. Tallinn, Vali Press (In Russ.).
3. Eremina, N.V., Seredenko, S.N., 2016, Pravyi radikalizm v partiino-politicheskikh sistemakh sovremennykh evropeiskikh gosudarstv [Right-wing radicalism in party systems of contemporary European countries], Saint-Petersburg, Aleteia (In Russ.).
4. Ladynskaya, V. 2015, Politdnevnik [Political diary], Tallinn, Petrone Print (In Russ.).
5. Saarts, T. 2012, Kahest demokraatiatudelist ja Eesti poliitika tumikpingest, Vikerkaar, no. 6, p. 78—88.
6. Liivik, E. 2015, Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia, Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences, no. 14, p. 85—116.
7. Lanko, D.A. 2015, Estonian Political Parties in the mid-2010s, Balt. reg., no. 2, p. 50—57. doi: 10.5922/2079-8555-2015-2-5.
8. Jaagant, U. 2015, On keegi näinud? Vabaerakond otsib oma maailmavaadet, Eesti Päevaleht, available at: <https://epl.delfi.ee/eesti/on-keegi-nainud-vabaerakond-otsib-oma-maailmavaadet?id=72205049> (accessed 17 August 2019).
9. Epifanova, M. 2019, “Pro-Russianness is not such a problem”: how did the parliamentary elections in Estonia go, where the nationalists and the opposition won, Novaya gazeta, available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/03/04/79770-prorusskost-eto-uzhe-ne-takaya-problema> (accessed 17 August 2019) (In Russ.).
10. Poleshchuk, V. 2005, Negrazhdane v Estonii [Non-Citizens in Estonia], Moscow, Evropa (In Russ.).
11. Toshchenko, Zh.T. 2003, Etnokratiya: istoriya i sovremennost'. Sotsiologicheskie ocherki [Ethnocracy: history and contemporaneity. Sociological essays], Moscow, ROSSPEN (In Russ.).
12. Buzayev, V.V., Nikiforov, I.V. 2009, Sovremennaya evropeiskaya etnokratiya: narushenie prav natsional'nykh men'shinstv v Estonii i Latvii [Contemporary European ethnocracy: violation of ethnic minorities' rights in Estonia and Latvia], Moscow (in Russ.).
13. Smooha, S. 2005, The Model of Ethnic Democracy. In: Smooha, S., Järve, P. (eds) The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe, Budapest, European Center for Minority Issues, p. 5—60.
14. Tevdoi-Burmuli, A.I. 2018, Etnopoliticheskaya dinamika Evropeiskogo soyuza [Ethnopolitical dynamics of the European Union], Moscow, Aspekt-Press (in Russ.).
15. Krause, W., Wagner, A. 2019, Becoming part of the gang? Established and nonestablished populist parties and the role of external efficacy, Party Politics, vol. 25, no. 5, p. 1—20. doi: 10.1177/1354068819839210.
16. Makarychev, A., Sazonov, V. 2019, Populisms, popular geopolitics and the politics of belonging in Estonia, European Politics and Society, vol. 20, no. 3, p. 450—469. doi: 10.1080/23745118.2019.1569341.
17. Petsinis, V. 2016, Contentious politics in the Baltics: the ‘new’ wave of right-wing populism in Estonia, Open Democracy, available at: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism> (accessed 17 August 2019).
18. Ummelas, O. 2019, Estonia Government Nears Collapse After Nationalist Party Targets Police Chief, Bloomberg, available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-08-16/nationalist-targeting-police-chief-has-estonia-staring-at-crisis> (accessed 17 August 2019).

The author

Dr Petr V. Oskolkov, Senior Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Lecturer, MGIMO University, Russia.

E-mail: petroskolkov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4501-9042>